

— Что случилось? — Линь Янь, заметив, что Цао Е изменился в лице, наклонился, чтобы посмотреть на экран его телефона, и сразу догадался. — Это же Лян Сычжэ!

— Ага, — ответил Цао Е и выключил экран.

Линь Янь успел заметить последние слова:

— «Со мной переспать»? Что значит переспать? Лян Сычжэ хочет, чтобы ты с ним переспал???

— он понизил голос, боясь потерять авторитет перед сотрудниками, но в его тоне чувствовалось возбуждение от новой сплетни.

Цао Е посмотрел на него:

— Думаешь, все такие же, как ты?

В этот момент Лян Сычжэ прислал голосовое сообщение. Цао Е встал и направился к выходу из зала, так как ему было неудобно прослушивать его при Линь Яне.

— Эй, не уходи! — Линь Янь тоже встал.

Руководитель проекта, отвечающий за производство, окликнул с заднего ряда:

— Господин Линь!

Линь Янь махнул ему:

— Поговорим об этом позже в моём кабинете, сначала обсуди всё с остальными, — после чего быстро догнал Цао Е. — Дай хоть какой-нибудь совет, ты же видел внутреннюю версию фильма, ты же не просто так смотрел...

— Я подумаю, когда вернусь, и всё тебе напишу, — ответил Цао Е на ходу.

— Договорились, — сказал Линь Янь, но не забыл про сплетню. — Эй, чего ты так спешишь? Хочешь переспать с Лян Сычжэ?

Цао Е повернулся к нему:

— Ты больной, Линь Янь?

— Ой-ой-ой, опять завёлся, — Линь Янь нарочно поддразнивал его. — Ццц, переспать с Лян

Сычжэ — неплохая идея. Ты сделаешь это? Если нет, то уступи его мне.

— Ты же говорил, что тебе не нравится Лян Сычжэ.

— Когда он не строит из себя важную персону, он мне нравится. Вряд ли он будет важничать в постели.

— Отвали, не будь таким противным, ладно?

— Ха-ха-ха, что ты строишь из себя святошу, господин Цао... — Линь Янь рассмеялся. — А если серьёзно, вы помирились?

Кинотеатр находился на первом этаже Dongsheng Media, поэтому до выхода было недалеко. Цао Е быстро спустился по ступенькам у входа, подошёл к машине, открыл дверь и сел внутрь:

— Мы только что добавили друг друга в друзья. У него ко мне дело.

— Ого, и какое же дело может быть так поздно?

— Янь-гэ, — Цао Е посмотрел на него и искренне сказал: — Уборщица в нашей компании слушает сплетни с таким же выражением лица, как у тебя сейчас.

— Блядь, отвали.

Цао Е закрыл дверь, опустил стекло и улыбнулся:

— Потом сфотографирую и пришлю, чтобы ты сравнил. Очень похоже, правда.

— Только попробуй отправить! — уставился на него Линь Янь.

Цао Е рассмеялся, завёл машину и уехал.

Выехав из парка, Цао Е сбросил скорость и открыл голосовое сообщение от Лян Сычжэ. Телефон автоматически подключился к Bluetooth автомобиля, и голос Лян Сычжэ разнёсся по салону: «Ну что? Мне забрать его с собой?» Голос звучал немного искажённо, низко и слегка легкомысленно. Цао Е не помнил, чтобы Лян Сычжэ когда-либо говорил с ним в таком тоне. «Значит, Цао Юйнин эти несколько дней не за девушками бегал... — Цао Е вспомнил шум в телефонной трубке в тот день, — а за Лян Сычжэ?»

Цао Е всё ещё не мог отойти от шока. Он не ожидал, что Цао Юйнин так настойчиво просил его увидеться с Лян Сычжэ из-за... романтических чувств. Ну, или, точнее, из-за

гомосексуальных романтических чувств. Он думал, что это просто погоня за кумиром — в этом мире было слишком много людей, сходящих с ума по Лян Сычжэ. Он не ожидал, что у Цао Юйнина возникнет мысль переспать с Лян Сычжэ. Он был действительно... молод годами, но не амбициями.

Цао Е думал, как ответить на это сообщение. Лян Сычжэ сказал «забрать Цао Юйнина». Забрать куда? Неужели он действительно собирается переспать с Цао Юйнином? Он же не бисексуал... или всё-таки да? Внезапно он понял, как мало знает о Лян Сычжэ. Хотя он опроверг предположение Цао Юйнина о бисексуальности Лян Сычжэ, теперь он не был так уверен. Они никогда не обсуждали этот вопрос, и он понятия не имел о сексуальной ориентации Лян Сычжэ. Если подумать, они были не так уж близки. Всего лишь провели вместе три месяца в старом переулке в юности. Три месяца — слишком короткий срок в его двадцатишестилетней жизни, лишь «мимолетное мгновение» [1]. А в насыщенной событиями двадцативосьмилетней жизни Лян Сычжэ эти ничем не примечательные три месяца, возможно, были не настолько длинны, чтобы назвать их даже «мимолетным мгновением».

[1] 白驹过隙 (bái jū guò xì) – идиома, которая дословно переводится как «белая лошадь пронесется мимо щели», описывает быстротечность времени.

Представьте белую лошадь, которая мчится мимо узкой щели или трещины в стене. Вы видите её лишь мгновение, и она тут же исчезает. Так же быстро и неуловимо проходит время.

Цао Е слегка нахмурился, взял телефон и позвонил Цао Юйнину. Гудки шли долго, но никто не отвечал. Через некоторое время механический женский голос сообщил:

— Вызываемый абонент временно недоступен.

Он повесил трубку и снова набрал номер. На этот раз, после нескольких гудков, Лян Сычжэ прислал ещё одно голосовое сообщение. Цао Е сбросил звонок и открыл сообщение: «Не звони, я его напоил».

Цао Е, прижав большой палец к экрану, произнес в микрофон:

— Где вы? Отправь мне геолокацию.

Через некоторое время Лян Сычжэ прислал геолокацию. Цао Е открыл её и ввёл в навигатор. Он нажал на газ, и скорость быстро возросла до восьмидесяти.

Место, указанное Лян Сычжэ, оказалось даже дальше, чем съёмочная площадка, где они были в прошлый раз, почти на границе Пекина и Тяньцзиня. Было уже больше девяти часов вечера, час пик ещё не закончился, и Цао Е раздражённо ехал в плотном потоке машин. Неизвестно почему, но мысль о том, что Лян Сычжэ забрал Цао Юйнина к себе в постель, была для него крайне неприятна, даже вызвала раздражение. Линь Янь всегда шутил, что Цао Е гомофоб, но на самом деле он просто не мог принять это по отношению к себе. Любят

окружающие его люди мужчин или женщин, ему было всё равно, он не испытывал никакой неприязни к гомосексуальности. Но мысль о том, что может произойти дальше, была для него совершенно неприемлема. Он снова взял телефон и написал Лян Сычжэ: «Не трогай его, я уже еду».

Лян Сычжэ не ответил, и это ещё больше усилило беспокойство Цао Е. Когда машина выехала из города, он не выдержал и позвонил Лян Сычжэ по видеосвязи, но тот не ответил. Цао Е отбросил телефон, сдерживая нетерпение, проехал ещё километров пятнадцать, снова взял телефон и позвонил. Через некоторое время Лян Сычжэ наконец ответил со смешком в голосе:

— Ты так волнуешься?

— Не трогай его, — сказал Цао Е.

— Причина?

— Он сын Цао Сюяня, ты можешь создать себе ненужные проблемы.

— О, ты боишься, что у меня будут проблемы? Мне кажется, такие проблемы для меня — ничто.

Действительно, он и не с такими проблемами справлялся. Сейчас он — кинозвезда Лян Сычжэ, и даже Цао Сюянь вряд ли сможет ему что-то сделать. Цао Е понял, что его аргумент никуда не годится. Он добавил:

— И ещё он мой двоюродный брат, мне будет противно, если ты с ним переспишь.

— Как те две собаки? — снова спросил Лян Сычжэ. В его голосе слышался смех, он будто нарочно дразнил его.

— Да, — мрачно ответил Цао Е, — как те две собаки. — Он не ожидал, что Лян Сычжэ до сих пор помнит его давние слова, сказанные бездумно. Теперь, когда Лян Сычжэ повторил их смеясь, он не мог понять, что тот имеет в виду.

— Не волнуйся, — через некоторое время сказал Лян Сычжэ, на этот раз серьёзно, ровным, низким и медленным голосом, как будто читал спокойный монолог в фильме. — Я его не трону. Езжай спокойно, я подожду, пока ты приедешь и заберёшь его.

Когда Цао Е приехал в «Цинвэй», было уже больше одиннадцати вечера. Он бросил ключи от машины швейцару, чтобы тот припарковал её, и вошёл в ресторан через главный вход. Чтобы

пройти из холла в задние кабинки, нужно было пройти по каменной дорожке, погруженной в тишину. Ресторан японской кухни уже почти закрывался, оставались последние посетители. В дальнем саду царил тишина, крошечные ночные фонарики, разбросанные среди кустов, делали ночь ещё темнее. Цао Е увидел на балконе напротив человека, который, облокотившись на деревянные перила, курил. Рядом с ним изредка появлялись золотистые искры, струйки белого дыма змеились вокруг его лица. Эта картина внезапно напомнила ему тот вечер, когда Лян Сычжэ стоял в обветшалом узком переулке, рассматривая вывески лавочек. Эта ассоциация десятилетней давности заставила его на мгновение задуматься.

Лян Сычжэ, словно почувствовав его взгляд, повернулся и посмотрел на него. Они встретились глазами на несколько секунд, затем Лян Сычжэ выпрямился, взглянул на небо, потушил сигарету и вернулся в кабинку. На что он только что смотрел? Цао Е тоже поднял голову, но не увидел над собой ничего, кроме ночного неба и облаков. Однако лунный свет сегодня был особенно хорош, и облака, освещённые луной, словно светились.

Он опустил взгляд и, чуть склонив голову, ускорил шаг. Дойдя до коридора, ведущего к кабинкам, Цао Е вдруг понял, что поступил импульсивно. Неужели Лян Сычжэ стал бы спать с Цао Юйнином? Успокоившись, он подумал, что это предположение просто абсурдно. Скорее всего Лян Сычжэ просто шутил, а он воспринял всё всерьёз.

Цао Е взял себя в руки, выдохнул и открыл дверь кабинки. Лян Сычжэ как раз ставил на стол пепельницу из фольги. Услышав шум, он повернулся к нему и с улыбкой сказал:

— Быстро ты. Волнуешься за него?

— Как-никак, он мой двоюродный брат, — Цао Е подошёл ближе и увидел, что пепельница полна окурков и пепла. Пачка сигарет на столе была пуста. Он поднял взгляд на Лян Сычжэ: — Ты же говорил, что бросаешь курить?

— Да, — улыбнулся Лян Сычжэ, на его лице появилось что-то вроде смущения. — Кажется, я потерпел неудачу.

«Похоже, все эти разговоры о том, что он бросает курить и пить были просто притворством», — подумал Цао Е. Пожалуй, словам Лян Сычжэ теперь можно верить максимум на треть.

— Бросаешь курить, а сигареты с собой носишь? — с улыбкой спросил Цао Е, разоблачая его.

— Это сигареты твоего двоюродного брата. — Лян Сычжэ постучал пальцем по пустой пачке. — Он потратил впустую мой вечер, так что я имею право выкурить пачку его сигарет, не так ли?

Цао Е слегка нахмурился:

— Это всё ты выкурил?

— Ага.

Цао Е хотел что-то сказать, но передумал. Он хлопнул Цао Юйнина по затылку:

— Цао Юйнин, проснись.

Цао Юйнин повернулся к нему, открыл глаза, на мгновение его взгляд прояснился:

— Брат?!

— Вставай и пойдём со мной, — поторопил его Цао Е.

— Не хочу, я так устал... — пробормотал Цао Юйнин и снова закрыл глаза.

Лян Сычжэ, прислонившись спиной к столу, усмехнулся, наблюдая за реакцией Цао Юйнина. Цао Е бросил на него взгляд.

Лян Сычжэ со смехом объяснил:

— Я просто подумал, что, когда ты напиваешься, ты ведёшь себя не лучше него.

Эти слова напомнили Цао Е, как Лян Сычжэ нёс его на спине, когда он впервые напился. На это он действительно не мог ничего возразить, поэтому лишь слабо парировал:

— Мог бы просто отправить его домой, зачем ты его напоил?

— Отправлю его сегодня, а завтра он снова придёт? Всё равно нужно было, чтобы кто-то его забрал...

— Даже если бы ты его не напоил, я бы всё равно приехал.

— Правда? — Лян Сычжэ с улыбкой посмотрел на него. — Но, если бы я его не напоил, он бы вряд ли ушёл с тобой.

— Забудь об этом, — рассудительно сказал Цао Е. Он понял, что не может с ним спорить. — Считай, что ты прав.

— Ты мне уступаешь?

— Да.

— Ха-ха, Цао Е... — Лян Сычжэ рассмеялся и продолжил: — Но твой двоюродный брат гораздо лучше тебя переносит алкоголь. Мне пришлось потрудиться, чтобы напоить его.

— Тогда я должен тебя поблагодарить. — Цао Е развернул стул с Цао Юйнином, чтобы тот оказался боком к столу, наклонился, перекинул руку Цао Юйнина через своё плечо и повёл его к выходу.

Цао Юйнин был ростом чуть выше 170 см и очень худым, поэтому Цао Е было относительно легко его вести, но поскольку Цао Юйнин был на полголовы ниже, ему пришлось наклониться. Когда они почти подошли к стойке регистрации, Лян Сычжэ направился к кассе, но Цао Е остановил его:

— Эй.

Лян Сычжэ остановился и посмотрел на него.

— Тебя не затруднит? — Цао Е кивнул на Цао Юйнина у себя на плече. — Придержи его, пожалуйста, я сам рассчитаюсь.

Лян Сычжэ приподнял бровь:

— Хорошо.

Цао Е прислонил Цао Юйнина к стене. Лян Сычжэ, не церемонясь, подошёл, прислонился рядом и поддержал Цао Юйнина плечом. Он смотрел, как Цао Е расплачивается у стойки. За стойкой была новая официантка, которая смотрела в их сторону, вероятно, желая получить автограф, но Цао Е, похоже, что-то сказал, рассмешив девушку, и она больше не смотрела на них. «Эта привлекательность совсем не изменилась...» — подумал Лян Сычжэ. Впрочем, это было не удивительно: хотя его юношеская наивность почти исчезла, теперь у Цао Е появилась некая беззаботная и расслабленная аура, небрежная, но изысканная, что делало его ещё более притягательным, чем в юности. Неудивительно, что Линь Хуань передумала через несколько лет.

Цао Е вернулся, оплатив счёт. Сегодня на нём была серая хлопковая футболка и светлые рваные джинсы. Возможно, он ехал с открытым окном, потому что его волосы были слегка растрёпаны. Выглядел он очень свежо. «Его вкус тоже не изменился за десять лет. Похоже, любовь к рваным джинсам никуда не делась. Где же в нём хоть что-то от генерального директора?» — думал Лян Сычжэ, глядя на него.

Когда Цао Е вернулся и снова взвалил на себя Цао Юйнина, то спросил Лян Сычжэ:

— Разве ты выходишь на улицу без маски и солнцезащитных очков?

— Нет, обычно я их ношу.

Цао Е направился к выходу, поддерживая Цао Юйнина:

— А почему сегодня не надел?

— Я часто бываю в этом заведении, поэтому неважно, надену я их или нет.

— Часто тут бываешь? — Цао Е обернулся и посмотрел на него, а затем сообразил. — Тогда ты мог бы сам оплатить счёт, это было бы несложно.

— Хм? Только что... — Лян Сычжэ засмеялся. — Ты сам предложил оплатить, и я подумал, ты хотел отплатить мне за то, что я когда-то угостил тебя суши. Разве не так?

Цао Е был уверен, что не помнит такого:

— Когда ты угощал меня суши?

— Я ничего не могу поделать, если ты хочешь забыть об этом спустя столько лет, — с улыбкой в голосе сказал Лян Сычжэ, — но я прекрасно помню, как ты потратил все деньги с моей карты и заставил тащить тебя пьяного всю дорогу до дома.

Цао Е остановился. Несколько слов Лян Сычжэ было достаточно, чтобы он восстановил в памяти события той ночи. Он недоверчиво спросил:

— В ту ночь ты оплатил счёт?

— Да. — Лян Сычжэ посмотрел на него с интересом. Как всегда, недоумение делало глаза Цао Е ярче, усиливая живость облика.

— Почему ты раньше не сказал... — Цао Е отвернулся, избегая его взгляда. — Я ничего об этом не знал.

— Есть много вещей о которых ты не знаешь, — со смехом сказал Лян Сычжэ.

Разговаривая, они подошли к машине. Цао Е открыл дверь и усадил Цао Юйнина на заднее

сиденье. Выпрямившись, он спросил Лян Сычжэ:

— Как ты доберешься домой?

— Ты не против, если я поеду с тобой?

— Садись. — Цао Е открыл переднюю пассажирскую дверь и сел за руль. Лян Сычжэ сел рядом с ним.

— Можно открыть окно? — Лян Сычжэ нажал кнопку управления стеклоподъемником. — От меня, наверное, сильно пахнет сигаретами.

— Как хочешь, — сказал Цао Е и завёл машину. Лян Сычжэ полностью опустил стекло, Цао Е сделал то же самое со своей стороны.

Цао Е знал, в каком отеле остановилась съёмочная группа, поскольку все крупные расходы компании требовали его подписи. Не дожидаясь, пока Лян Сычжэ назовёт название отеля, он открыл навигатор, посмотрел маршрут и выехал на дорогу. Загородное шоссе было широким и свободным, машин было мало, и они ехали без помех. В начале июня летняя жара ещё не была слишком сильной, и ночной ветер, врываясь в салон, приятно освежал.

Некоторое время они ехали молча. Цао Е услышал вибрацию телефона. Он взглянул на свой телефон, лежавший в углублении под центральной консолью, но звук издавал не его телефон, а, видимо, Лян Сычжэ. Вибрация не прекращалась, но Лян Сычжэ, смотревший в окно, не предпринимал никаких попыток взять телефон, как будто не слышал или не хотел отвечать.

— У тебя телефон вибрирует, — сказал Цао Е.

Возможно, из-за шума ветра Лян Сычжэ не расслышал слов Цао Е. Он повернулся к нему, переспросил: «А?» — и закрыл окно.

— Твой телефон, — повторил Цао Е, — всё время вибрирует.

— А, посмотрю потом. — Лян Сычжэ взял телефон и взглянул на него.

Цао Е мельком увидел время на дисплее: 3 июня, 00:00. Неудивительно, что телефон постоянно вибрировал — половина индустрии развлечений, вероятно, отправляла Лян Сычжэ поздравления с днём рождения.

— Цао Е, — окликнул его Лян Сычжэ.

— Что? — спросил Цао Е, не отрывая взгляда от дороги.

— Думаю, запах сигарет уже выветрился. Может, закроешь окно, и мы немного поговорим?

Цао Е проехал ещё немного, а затем, как и было предложено, закрыл окно.

— Хорошо. О чём поговорим?

Лян Сычжэ ответил не сразу. Лёгкий древесный аромат мужских духов, смешанный с едва уловимым запахом табака, наполнял салон автомобиля. Цао Е не был уверен, исходит ли этот запах от Лян Сычжэ или от него самого — по дороге он тоже выкурил пару сигарет. В закрытом пространстве салона Цао Е включил кондиционер и музыку. Спокойная мелодия не была слишком громкой и немного сглаживала неловкую атмосферу. В молчании время тянулось особенно медленно.

— Разве мы не собирались поговорить? — Спустя некоторое время Цао Е повернулся и посмотрел на него.

— Да, — со смехом сказал Лян Сычжэ. — Но мы так давно не разговаривали, что я даже не знаю, с чего начать. Может... продолжим с того места, где остановились? Ты ведь так и не поздравил меня с днём рождения.

Цао Е промолчал, делая вид, что сосредоточен на дороге.

— Я, наверное, не вовремя об этом заговорил? — Лян Сычжэ снова усмехнулся.

Вибрация телефона то появлялась, то исчезала, заполняя паузы в разговоре. Знакомые и незнакомые, искренние и не очень, поздравления от старших, ровесников и младших — все они скрывались в этой вибрации. Но Лян Сычжэ упорно хотел услышать запоздалое поздравление именно от него.

Спустя некоторое время Цао Е сказал:

— Тебя многие поздравили с днём рождения, не думаю, что моё поздравление так уж важно.

— Именно твоего и не хватает. — Лян Сычжэ откинулся на спинку сиденья и, слегка повернув голову, посмотрел в окно. — Иначе зачем бы я стал вызывать тебя среди ночи? — В его просьбе был напор, но слова звучали небрежно и расслабленно.

— Цао Е. — Лян Сычжэ, облокотившись на спинку сиденья, повернулся к нему. — Я использовал твоего двоюродного брата как приманку. Ты же такой умный, неужели не понял?

Цао Е помолчал, а затем усмехнулся:

— Откуда ты знаешь, что это не я использовал его как приманку для тебя?

— Ты бы так не поступил.

— Почему нет? Ведь Лян Сычжэ собственной персоной снизошёл до примирения.

— Я пришёл мириться, но ты бы так не сделал, Цао Е. Насколько я знаю, ты никогда не используешь людей в своих целях.

— Не делай из меня святого, — Цао Е снова усмехнулся. — Что насчёт тебя? Ты использовал Цао Юйнина.

— Что касается меня... — Лян Сычжэ посмотрел в окно и тихо сказал: — Я плохой человек, мне всё позволено.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130246>